

Николай Наседкин

НАША ПРЕКРАСНАЯ СТРАШНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рассказы

Николай Николаевич Наседкин

Наша прекрасная страшная жизнь. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48615085

SelfPub; 2019

Аннотация

В данный сборник Н. Н. Наседкина (автора книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш» и др.) вошли рассказы с криминальным напряжённым сюжетом, в которых действительно «прекрасное» и «страшное» нашей сегодняшней жизни переплетено и неотделимо друг от друга. Эпиграфом к книге можно было бы поставить слова поэта: «Времена не выбирают, в них живут и умирают»... Многие рассказы сборника ранее печатались в журналах («Урал», «Подъём», «Наша молодёжь» и др.). Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПЕРЕКРЁСТОК	4
МУРАВЬИ	12
ДИНАМО	32
КВЕСТ	40
АСФИКСИЯ	49
ЖИЗНЬ СОБАЧЬЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

ПЕРЕКРЁСТОК

Рассказ

1

На охоту Виктор Тимошенко вышел злой.

Конечно, и погода не радовала: дождь пополам со снегом, мокрядь. Ну да ведь специально такую и ждал-выбирал – чего ж теперь злиться? Виктор отвернулся от косо летящего липкого снега, достал из внутреннего кармана куртки плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышечку, жадно глотнул пару раз. Подумал, сделал ещё один большой глоток. Водка казалась пресной. Хотелось ещё хлебнуть, но перебарщивать не стоило – потом, после охоты, особенно удачной, можно будет и оттянуться по полной, расслабиться в кабаке. Виктор запахнул поплотнее куртку-аляску цвета морской волны (ставшую от непогоды цвета волны штормовой), надвинул на брови норковую, совсем замокшую шапку (специально на охоту надевал – для внушительности), натянул перчатки и, нагнув голову, зашагал к «своему» перекрёстку.

Надо бы думать уже вплотную о предстоящей охоте, настраиваться на хладнокровие, однако ж нервы продолжали

вibriровать и кукожиться. Понятно, вся хандра эта от вчерашнего, от встречи с бывшим корешком Финтом. Угроз-дило же того по дороге из Саратова в столицу заглянуть к нему в Баранов, свиданку устроить. Оно бы и ничего: с корешем, с которым на одних нарах бока отлёживал, и повидаться не запаadlo, да вот только у этого Финта есть привычка ду-рацкая – как лишнего хлебнёт, так ненужное болтать-вспо-минать начинает. Его и на зоне за это не раз жестоко учили – всё не впрок.

А Виктору Тимошенко очень сильно хотелось бы кой-чего из прежней жизни забыть – особенно из первых подневоль-ных дней. Как, впервые попав в общую камеру, он при *про-писке* попытался вильнуть и вякнул, будто его подставили, дескать, его оклеветали и на самом деле он никакого изна-силования не совершал. Конечно, всё очень быстро раскры-лось, и ему пришлось отвечать-расплачиваться по полной программе... Правда, со временем ему удалось совершить невероятное – не только вырваться из *петушиного* разряда, но даже и пробиться в *авторитеты*. Заплатить за это при-шлось двумя чужими жизнями, своими отбитыми почками и переломанными рёбрами да плюс десятью годами добавлен-ного срока. Но, опять же, не плата главное – главный итог в том, что, попав на зону в неполных семнадцать, Виктор Ти-мошенко по прозвищу Тимоха уже через несколько лет пре-вратился в жилистого, сильного плотью и с тяжёлым взгля-дом человека. Немногие, даже самые блатные из блатных,

выдерживали его взгляд. И теперь, в тридцать три, несмотря на боли в почках и уставшую от водки печень, Тимоха всё ещё был в силе и на охоту ходил в одиночку: уверен был, один на один – с любым зверем справится. Тем более, что за ним – первый удар...

На перекрёстке Московской и Советской, как и ожидалось, в этот поздний ненастный час – безлюдно. Но машины сновали довольно оживлённо: тачек вообще развелось теперь, такое впечатление, больше, чем пешеходов-прохожих. Жлобы! Тут весь город можно вдоль и поперёк пешком за час пробежать, а они всё на колёсах... Даже сотню метров до магазина или кабака пройти не могут! Чёрт с ними! Опять нервишки люфтят из-за ничего. Тем более, что как раз на этом перекрёстке сновали в основном транзитники – отсюда начиналась трасса на Пензу и Саратов. Так-так, надо сосредоточиться. Задача предстояла сложная, но, как уже показала практика, вполне выполнимая: высмотреть среди подъехавших к перекрёстку и свернувших на Московскую более-менее приличную тачку с иногородним номером, тормознуть и напроситься в пассажиры-попутчики – мол, до Нового Посёлка не подбросишь? Ну а дальше – дело техники.

Это был уже третий выход на охоту. Первые два прошли удачно. В декабре Тимоха оприходовал «жигуль»-девятку, в январе – даже «Фольксваген», хотя срубить иномарку и не мечтал: те редко на пассажирах подкалымливают. Правда, с

немецкой тачкой чуть было оплошка не вышла: за рулём оказался такой отечественный бугай, что и с удавкой на шее ещё минут десять доставал-цеплял Тимоху скрюченными пальцами и хрипел, не желая расставаться с душой. Ещё б немного и – вывернулся-освободился, а тогда кто его знает, чем бы дело кончилось: у него за поясом пушка – настоящая, боевая 8-зарядная «Беретта» – хранилась. Но зато за иномарку отвалили Тимохе не тонну баксов, как договаривались, а целых полторы. Если и на этот раз удастся какой-нибудь «аудишник» или «бээмвэшник» завалить – не грех и две тыщи стребовать, а то даже и полутора кусков на месяц еле-еле хватило: давеча Финта, можно сказать, уже на последние угощал. Впрочем, если и отечественная новенькая «десятка» или «Нива»-внедорожник попадётся – тоже можно будет подороже сдать. Ничего-ничего, заказчики хоть и жмоты, но понимают: он, Виктор Тимошенко – специалист классный и своё завсегда отработает.

Тимоха всмотрелся в подъезжающую «десятку» цвета «мокрый асфальт» с пензенским номером, вынул из кармана пятисотрублёвую бумажку-заманку, чуть согнул ноги, качнулся, словно подгулявший мужичок, и начал призывно махать-сигналить денежной купюрой при свете уличного фонаря...

Остановись, друг!..

Юрий Петрович Перминов ехал на своей забрызганной «десятке» злым и усталым.

Погода, уж само собой, не радовала: мокрый снег, слякоть. Да ведь опять поверил-доверился синоптикам, будто «осадков не ожидается» – на кого ж теперь злиться? И командировка не задалась. Он так про себя называл эти поездки – командировками, хотя ездил на заработки сам, по доброй воле. Без этих добровольных экспедиций-командировок семейный бюджет затрещит по всем швам. Впрочем, он и так трещит. А что делать? Чаше, чем раз в месяц, выезжать нельзя, да и не получится. В предыдущие два раза ездил сначала в Саранск (привёз-заработал тыuchoнок десять), а во второй раз решил подальше забраться, в Баранов, и очень удачно тогда получилось: в общем и целом тысяч на тридцать съездил, то есть без малого тысяча долларов – весомая добавка к окладу охранника завода.

Юрию Петровичу не нравилось слово «охранник» – в те перешние времена оно явно стало синонимом понятия «холоуй». Но что поделаешь? Когда-то у него были более достойные звания в прямом и переносном смыслах: сержант-афганец – лично уничтожил не менее трёх десятков «духов», имел орден Красной Звезды, медаль, был ранен... Позже – командир ОМОНа, капитан (это уже совсем недавно, во вто-

рую чеченскую кампанию): чем не звание? Работа мало отличалась от «афганской». Его чуть было и ко второму ордену не представили, да слегка, чуть-чуть, случайно погорел-переборщил капитан Перминов со своими ребятами: зачищали один аул и в горячке заодно с бандитами десятка полтора «мирных» жителей к аллаху отправили. Да какие они мирные! Все волками смотрят – даже женщины, дети... Спалить-перепахать бы всю эту Чечню ракетами подчистую, да новую страну на этом месте построить и заселить...

Впрочем, чёрт с ними! Опять нервы из-за ничего развились. Хотя, конечно, обидно: из милиции пришлось уйти подобру-поздорову, заработок теперь смешной, а дочки-красавицы с каждым годом всё больше и больше *маней* требуют. Одна только учёба в копеечку обходится. Маша-то, старшая, ещё, слава Богу, дома осталась, в родимом педу на втором курсе учится – по стопам матери пошла, а вот Катерину, младшую, в престижный Саратовский мед удалось пристроить – деньги улетают, как в трубу...

Сегодня Юрию Петровичу удалось заработать пока всего тысячи полторы, а то и меньше. Связался, как дурак, с женщиной, а у них с наличкой всегда напряжёнка. Пора было уже в обратный путь: дома надо быть до шести утра – Катя уезжала с утренним в Саратов и, кровь из носу, требовалось выдать ей с собой хотя бы тысяч пять... И что это так сегодня не везёт? Ведь, как заведено, утром заехал, ещё в Пензе, в церковь, три свечи десятирублёвых поставил – перед Спаси-

телем за успех дела, своему святому-покровителю Георгию Победоносцу и за упокой всех невинно убиенных...

Перминов, чертыхаясь про себя, подъехал к перекрёстку Советской и Московской – может, здесь повезёт, наконец, и пошлёт ему Судьба денежного попутчика-пассажира, который попросит даже не по городу Баранову (дурацкому грязному Баранову!) его подбросить, а куда-нибудь подальше по его родимой пензенской трассе – в Новый Посёлок или Рассказовск. Тогда б вообще никаких проблем: машин на бетонке ночью совсем немного, по сторонам – лес глухой. Километра через три-четыре съедут на обочину, как бы по нужде, Виктор Петрович быстро, пока пассажир свою заднюю дверцу открывать не начал (а пассажир будет обязательно сидеть сзади, так как переднее сидение большая коробка из-под телевизора занимает), так вот, быстро, даже особо не оборачиваясь, пшикнет ему в лицо из баллончика перцовым «Шоком», сам тут же выскочит на свежий воздух, уже с улицы дверцу пассажира рванёт, вытащит ошарашенного, перепуганного, ослепшего бедолагу и...

Остальное – дело техники. Самое главное – не смотреть в лицо жертве, не запоминать его. А самое тяжёлое – копать-долбить в ночном неуютном лесу яму, то и дело поминая имя Бога, Божьей Матери и всех святых всеу...

Господи, прости!..

На перекрёстке Московской и Советской города Баранова в уже поздний ночной час подгулявший человек в куртке-алюске цвета морской штормовой волны призывно махнул «Жигулям» цвета «мокрый асфальт» с пензенским номером. Машина охотно тормознула. Человек щедро, не торгуясь, сунул водителю пятьсот рублей, сел на заднее сидение.

И они – поехали...

/2003/

МУРАВЬИ

Ненаписанный роман

Эти две газетные заметки из криминальной хроники, и правда, казалось бы, никак между собой не связаны.

Ни на первый взгляд, ни на второй, ни даже на десятый или сотый. Если не брать во внимание, что обе появились в сводках пресс-службы УВД в прошлом году и обе сообщали о довольно-таки загадочных происшествиях, каковые не столь уж часто случаются в нашем полусонном Баранове.

Но – по порядку.

Первая информация появилась в местных газетах в конце мая. Из неё наш барановский обыватель узнал следующее:

ИСЧЕЗ ПРОФЕССОР

Ещё на прошлой неделе бесследно исчез профессор университета им. М. Е. Салтыкова-Щедрина доктор биологических наук В. П. Синицын. Помимо преподавательской деятельности профессор Синицын занимался на кафедре зоологии исследовательской работой в области энтомологии, связанной с жизнью и поведением так называемых обще-

ственных насекомых – пчёл, ос, муравьёв и пр. Имя его широко известно в научных кругах. На работе последний раз его видели в пятницу, когда он принимал зачёты у третьекурсников. В понедельник профессор в университет не явился. Телефон его на звонки не отвечал. Последние два года, после смерти жены, Синицын проживал один в двухкомнатной квартире. Один из его соседей видел, как в пятницу поздно вечером профессор Синицын вышел из подъезда в сопровождении двух мужчин, сел в красную иномарку с тонированными стёклами (предположительно – джип) и уехал в неизвестном направлении.

Всех, кто может что-либо сообщить о местонахождении профессора Синицына просим позвонить по телефону 02.

Вторая заметка появилась ровно через неделю.

СМЕРТЬ БИЗНЕСМЕНА

В минувшее воскресенье разыгралась трагедия в Пригородном лесу. Здесь примерно в половине десятого вечера в коттедже известного в Баранове предпринимателя, владельца сети автозаправочных станций «Фокус» и депутата областной думы О. И. Быкова раздался взрыв и затем вспыхнул пожар. Так как особняк Быкова находится в уединённом месте, пожарные прибыли только через полчаса. К тому времени огонь уже охватил почти весь дом. Пожар удалось потушить только к утру. Причиной возгорания, по предварительным данным, стало короткое замыкание в электропроводке. В настоящее время следователи устанавливают обстоятельства происшествия.

нённом месте, в лесу – пожар был замечен не сразу. Только спустя полчаса проезжающий по трассе наряд ГИБДД заметил за деревьями отсвет огня. На пепелище в развалинах бывшего двухэтажного коттеджа обнаружены останки трёх мужчин – самого Быкова и двух его охранников. Причины происшествия выясняются.

Я, видимо, не обратил внимания на эти заметки, тем более, что местные газеты беру в руки редко, а уж убойно-уголовную хронику не смотрю вовсе. Но как-то встретил на улице старого знакомого, майора Потапова. Он поздоровался и, как всегда, угрюмо сказал-предложил:

– Ну что, господин сочинитель, хотите – *сюжет для небольшого рассказа* о нашей поганой жизни подкину?

За последний год, что мы не виделись, Потапов ещё больше обогатился по части живота и лысины. Когда-то, в дни нашей юности, я заведовал «культурным» отделом в областной молодёжке, а лейтенант милиции Потапов без устали таскал мне свои вирши. Два или три его ужасных стишка я тогда всё же тиснул, за что Потапов мне по гроб жизни благодарен, хотя, слава Богу, муз поэзии, двух глуповатых сестричек Эрато и Эвтерпу уже давненько насиловать перестал. Правда, он каждый раз после прочтения моей очередной книги всё более серьёзно и убеждённо грозит жарко полюбить, наконец, и третью сестру – Каллиопу, иными словами, тоже мечтает написать роман-эпопею под каким-нибудь убойным

названием типа «Записки барановского мента». А пока время от времени подкидывает мне сюжетцы из своей богатой шекспировскими страстями криминальной практики.

– Сюжет? – ответил я, как всегда, чуть с иронией, – Заманчиво, но... Вы ж, господин майор, отлично знаете: я не Чехов, небольших рассказов не пишу. А что, сюжет ваш – на роман детективный не потянет?

– Может, и потянет, – ещё угрюмее пробурчал Потапов, – Только тут не детективом пахнет, тут – фантастика... Загляните при случае ко мне на службу – не пожалеете.

Случай как раз вскоре и представился: приспичило мне, вернее, государству, мой паспорт обменять – на новый, безнациональный. Пришлось переться на Первомайскую, в наш милицейский «пентагон»: здание барановского УВД хотя и не имеет форму пятиугольника, однако ж площадь занимает, поди, не менее военного ведомства США – многоэтажная махина на целый квартал. Заглянул я, конечно, после паспортного стола райотдела и в кабинет майора-пиита на третьем этаже. К слову, несмотря на свою, скажем так, совсем не геройскую внешность, майор Потапов слывёт опытным следователем, но при этом высот служебных не достиг, да и на пенсию лет через десять, скорей всего, так и пойдёт в однопозвёздочных погонах. Объяснить это несложно – никакого дедуктивного метода не надо: в наши времена, когда повсеместно правят всем и вся обыкновенные натуральные бандюки, доморощенные мафиози, когда, по слухам, даже са-

мый главный наш мент-генерал принимает ежемесячно свою долю-дань из бандитского общака, майор Потапов честно и за одну зарплату да небольшие премии вылавливает всякую мелкотравчатую воровскую шалупонь, подправляет в плюсовую сторону милицейскую статистику. Я, может, и правда когда-нибудь напишу роман о майоре Потапове и назову его – «Антигерой нашего времени»...

Потапов, показав мне заметки о пропавшем профессоре и погибшем бензиновом короле-депутате, и задал загадку: что же может связывать два эти сообщения криминальной хроники? Я, разумеется, лишь пожал плечами. Ну, какая тут может быть связь? В абсолютно разных мирах, на разных планетах герои заметок жили-обитали, хотя прописаны были в одном чернозёмном городе Баранове, ездили по одним и тем же улицам: профессор – в троллейбусах, бизнесмен – в «мерседесах»...

Потапов хитро прищурился (а как ещё могут прищуриваться майоры-детективы!) и пододвинул на мой край стола несколько листков бумаги, скреплённых скрепкой и с припиленным конвертом.

– Посмотрите, почитайте – это почище Конан Дойла с его «Маракотовой бездной» будет... – И, помолчав, прибавил. – Я Синицына-то немного знал – наши дачные участки рядом.

Попивая растворимый кофе из стакана с допотопным подстаканником (а в чём ещё могут кофе-чай подавать в милицейско-следовательском кабинете!), я взялся читать:

Здравствуйте, тов. А. Н. Потапов!

Зная Вас как за исключительно честного человека (слухами земля полнится), обращаюсь именно и персонально к Вам. Тем более, что мы с Вами, в какой-то мере, знакомы. Не знаю, как оформляется явка с повинной, но прошу данное письмо считать именно таковой. Дело в том, что я, Синицын Виктор Петрович, профессор БГУ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1945 г. рождения, проживающий по адресу г. Баранов, ул. Интернациональная, 54, кв. 289, вдовец и т. д. (что ещё надо указывать – не знаю), скорее всего, непосредственно и прямым образом виновен в гибели гр. О. И. Быкова, о которой узнал случайно только сегодня.

Дело было так. Быков – мой бывший студент. Учился он отвратительно. Вы, конечно, знаете, кто его папаша (я имею в виду – по чину и деньгам), так что Олег Быков посещал едва ли половину лекций и семинарских занятий, зачёты получал автоматом, а на экзаменах приходилось натягивать ему тройки, а то и четвёрки – таков был приказ ректората. Для меня долго оставалось загадкой, почему он осчастливил именно наш биофак, но потом, позже, он сам мне пояснил: ему «по фигу» было, на каком «факе» «кантоваться», лишь бы диплом для «шнурков» получить. А устраивало его местоположение нашего учебного корпуса – в самом центре

города, на Советской, – в котором, кроме нашего биологического, располагаются ещё иняз и филфак. Дальнейшее он мог и не пояснять: действительно, не в гуманитарии же ему было идти – это уж совсем «западло».

Так вот, я с Быковым, после того, как он получил свой диплом (хорошо хоть не красный!), практически не встречался, но слышал и знал, как он процветает в бензиновом бизнесе (вряд ли, я думаю, ему помогали в этом даже те крохи знаний по химии, что он получил за время учёбы!). Два года тому вдруг и совсем неожиданно встала страшная альтернатива: жить моей жене Клавдии Михайловне или умирать. На операцию требовалось 5000 (пять тысяч!) условных единиц, то есть, безусловно говоря – пять тысяч треклятых долларов. Для справки сообщаю, что зарплата моя в пересчёте на эти самые у. е. составляла примерно 130 (сто тридцать) долларов в месяц. Короче, мне удалось собрать по друзьям и родственникам только две тысячи. И вот тогда, от отчаяния совсем потеряв чувство реальности, я кинулся к Быкову. Не буду подробно расписывать, как несколько дней добивался встречи с ним, а когда добился, он мне, в конце концов, с отвратительными гримасами и сопутствующими словами (в благодарность, мол, за бывшие «уды» и «хоры») бросил пятьсот «баксов». Больше, дескать, не в состоянии. Надо полагать, если б у него состояние уже миллиардами оценивалось, тогда б позволил себе швырнуть ещё пару-тройку тысяч. Нет, я понимал и понимаю, что чужие деньги и просить,

и считать стыдно в любом случае, но ведь и любому понятно, что этот «новораш», как и его соратники, новоявленные наши миллионщики, нас же, остальных, грабят и обворовывают, на нашей общей нефти жируют и богатеют...

После смерти жены я вгорячах хотел пойти и швырнуть Быкову в лицо его вонючую «капусту», но затем, здраво рассудив (и вообще, не пора ли нам всем начать рассуждать здраво?), оставил эти деньги у себя и спустя год поставил на них довольно приличный памятник своей Клавдии Михайловне – ну неужто она за 35 лет беспорочного служения народному образованию не заслужила могильной плиты?!

Вскоре произошло вот что. Вы, вероятно, знаете, что наш Пригородный лес входит в заповедную зону, что его корабельные реликтовые сосны пересчитаны, внесены в реестр и каждая охраняется законом. Но Вы, скорее всего, не знаете, что в этом Пригородном лесу в настоящее время осталось всего 19 (девятнадцать) настоящих больших муравейников (старше 10 лет и диаметром более 1 м). Преподаватели и студенты нашего факультета, к слову, над ними шефствуют и ведут научное наблюдение. И вот Быкову каким-то образом (хотя, понятно – каким!) удалось приобрести в личную собственность целый гектар земли в Пригородном лесу. И начал он своё «хозяйствование» на новом месте с того, что собственноручно облил бензином один из 19-ти муравейников, оказавшийся на этой территории, и поджёг. Надо ли упоминать, что с этого гектара тут же исчезла большая часть ре-

ликовых сосен, а взамен этого сначала вырос по периметру высоченный бетонный забор, а затем в считанные месяцы и — дворец новоявленного хозяина жизни.

И вот, где-то в конце апреля, я шёл по улице пешком (был солнечный день), возле меня затормозила иномарка, из неё вылез и окликнул меня Быков. Первым делом я подумал, что он потребует вернуть ему пятьсот долларов, и даже кулаки сжал, но он про деньги и не вспомнил. Он вообще вёл себя так, будто мы вчера только виделись в аудитории и отношения наши ничем серьёзным не омрачены. Впрочем, я всё же быстро догадался, что остановился он не даром и ему от меня что-то нужно. Оказалось, живётся ему в новом загородном доме вполне даже «о'кей», только портят настроение и досаждают... муравьи. По его словам, мураши заполонили весь дом, ползают везде и всюду и довели его, Быкова, до бешенства. Он уже вызывал специалистов из санэпидемстанции, да только деньги зря потратил — никакого эффекта. И вот сейчас, увидев меня на улице, он вспомнил, что я специалист «по всяким там муравьям-пчёлам», так что — не возьмусь ли я ему «по старой дружбе» помочь? Тут он, на своё несчастье, и помянул про злополучные «пятьсот баксов», а то я уже намеревался отмахнуться наотрез от его просьбы. Но когда он про свою прежнюю «доброту» и «щедрость» заикнулся, у меня в мозгу идея, как вспышка магния, блеснула: решил — всё, проучу негодяя! И даже толком слушать не стал про посулы нового «гонорара» — тут же согласился по-

мочь...

Вообще-то, я хотел только зло подшутить над Быковым. Не буду вдаваться в подробности (да Вы, уж простите, этого и не поймёте), но суть вкратце такова: в последние годы я работал над проблемой увеличения продуктивности пчёл. Я решил идти по простому пути: увеличить размеры самой рабочей пчелы (той, которая непосредственно собирает мёд), и тогда, естественно, увеличилась бы её производительность. Поначалу мне удалось достичь поразительных результатов: моя медоносная пчела вырастала в два, а иные экземпляры и в три раза больше пчелы обыкновенной. Причём самое фантастическое, достигалось это не путём скрещивания и отбора, а путём... деления клетки. Да, да! Мне удалось найти способ деления биологической клетки на две, а в иных случаях и на три отдельных, и каждая вырастала в полноценную клетку. То есть, условно говоря, если та же пчела состоит из миллиона клеток, то после введения моего препарата она через весьма короткое время будет состоять из двух миллионов клеток: каждая ножка, каждый усик, короче, каждый орган тела станет ровно в два раза больше.

Вы, естественно, спросите: можно ли подобное проделать, например, со свиньями или коровами (вот был бы переворот в сельском хозяйстве!)? Сразу отвечаю: нет. Мой препарат обязательно должен вступить во взаимодействие, в реакцию со специфическими феромонами (химическими веществами живого организма), которые имеются только у обще-

ственных насекомых, живущих семьями-колониями. И вот, когда я был уже близок к окончательному триумфу, вдруг появилась непреодолимая проблема – мои громадные пчёлы отказывались, они просто-напросто ленились летать. Растолстев в два раза, они превращались в ползающих громадных шмелей. Я как раз и бился над преодолением этой проблемы, когда ко мне обратился за помощью Быков...

О дальнейшем Вы, я думаю, уже догадались. Я дал бывшему студенту-недоучке свой препарат (это – белый кристаллический порошок, похожий на сахар), научил развести его в настоящем сахарном сиропе, расставить по всему дому «отравные» блюдца-приманки и приготовился через некоторое время рассмеяться ему в лицо, когда он пожалуется, что-де муравьи от этой «отравы» стали только здоровее...

Он действительно позвонил через пару недель и на самом деле сообщил, что полчища мелких муравьёв исчезли напрочь, но зато им на смену откуда-то появились более малочисленные, но значительно более крупные, «чуть не с мизинец», гигантские муравьи, так что надо ещё «отравы». Я усмехнулся и щедро выдал подъехавшему посыльному килограмм натурального сахара-песку. Уж я-то знал, что мой «эликсир роста» действует только однократно и второй разделиться новая клетка не сможет. Что касается «мизинца», то – у страха глаза велики...

Да-а, знать бы мне!

В пятницу, 24 мая, часов в десять вечера ко мне ввалились

в квартиру два нукера быковских и, не слушая возражений, затащили меня в машину и увезли в Пригородный лес. Быков был страшно разгневан и в то же время, как я сразу заметил, ещё сильнее напуган. Он был вполпьяна и всё глотал прямо из бутылки то ли виски, то ли ещё какую дрянь. Он орал, брызгая слюной и топая ногами, что ему наплевать на моё «профессорство» что он меня «по стенке размажет»...

Причина его гнева и страха лежала под его ногами, прикрытая тряпкой – задняя часть собачьего туловища. Признаться, когда один из охранников сдёрнул тряпку, я вздрогнул: такое впечатление, что бедного пса разорвали пополам – наружу торчали осколки костей, свисали лоскуты кожи, лужа крови уже подсохла и покрылась плёнкой. Только тогда я заметил, что и весь пол в кухне забрызган красными пятнами. Так как сам Быков толком говорить не мог, а только хлебал из бутылки и ругался, суть дела пояснил один из его холуев.

Оказывается, кроме двух овчарок во дворе, в самом доме обитали два взрослых питбультерьера, которые, как известно, пользуются славой самых злобных и страшных собак. И вот сегодня, час назад, когда Быков с парнями после трёхдневного отсутствия подъехали к дому, они ещё из-за ворот слышали неистовый лай овчарок и вой питбулей, доносящийся из открытых форточек зарешечённых окон. Сторож-охранник был бледен и ничего объяснить не мог, только твердил: «Там! Там!...», – показывая на дом. Пока открывали запоры, вой захлебнулся и смолк. Вбежав, люди застали

жуткую картину: несколько гигантских, как они уверяли, «с кошку», муравьёв рвали собак на части: от одной оставалась уже только одна лапа, второй бультерьер был изглодан наполовину. Только когда люди начали палить из пистолетов, твари убрались, исчезли в подвале...

Быков, заметив мою недоверчивую ухмылку, взревел, подбежал к стене и отбросил пинком вторую тряпку, что-то прикрывавшую в углу. То, что я увидел, повергло меня в столбняк. Вы, может быть, читали в детстве увлекательную книгу Брагина «В Стране Дремучих Трав» про гигантских насекомых или разглядывали когда-нибудь обыкновенного муравья через увеличительное стекло... Зрелище довольно отвратное и устрашающее. Я не мирмеколог (так называют специалистов по муравьям), но с первого взгляда понял, что передо мною на полу лежит представитель именно этого семейства общественных стебельчатобрюхих насекомых подотряда перепончатокрылых, принадлежащий к группе рыжих лесных муравьёв (*Formica rufa*), которые в природе достигают максимум 3 (трёх) сантиметров длины. Этот же размер был не то что с кошку – с матёрую упитанную таксу: сантиметров семьдесят, а то и все восемьдесят, а с усиками-антеннами – так и целый метр! Подобное и в кошмарном сне не приснится.

Я охнул. Быков, увидев моё искреннее остолбенение, смачно выматерился: мол, что, сам не ожидал подобного, козёл старый?! Дальнейшее произошло быстро и без моего

участия: мне коротко объяснили, что запирают меня в доме вместе с «моими мурашками» наедине, оставляют мне телефон-мобильник, и как только я придумаю, как решить «муравьиную проблему», я должен позвонить, объяснить, тогда всё, что для этого мне потребуется, тут же доставят, я должен вывести всех тварей подчистую и только тогда меня отпустят, быть может, даже «целым и невредимым», несмотря на причинённый мной «ущерб»...

Когда я остался в громадном доме один, взаперти – у меня, вот именно, мурашки по спине поползли. Холодные и противные. Впрочем, я не потерял способности здраво рассуждать и вполне резонно предположил, что муравьи размером с таксу и весом килограммов шесть по вертикальным стенам и тем более потолку ползать не в состоянии, поэтому, заметив стремянку, подставил её к высоченному – метра два – холодильнику, не мешкая, взобрался на него, втащил следом лестницу, уселся, поджав ноги, и начал ждать неизвестно чего. Вернее, конечно, появления «своих» монстров.

И – дождался.

Мне уже объяснили, что их пытались закрыть-заблокировать в подвале, где, по всей видимости, находилось их гнездо, но твари прогрызли дыру-ход в дубовых дверях с чудовищной лёгкостью. И вот в этой дыре появилась голова первого насекомого с громадными радужными глазами-мониторами. Помедлив секунду, муравей выбрался из дыры целиком и бросился почему-то не к трупу собаки, который так и

оставили посреди кухни, а – к убитому собрату-муравью. Он с ходу впился в его брюшко громадными челюстями, прокусил хитиновый покров и начал жадно пожирать-всасывать полужидкую плоть. Тут же подскочил второй, третий, пятый... Между ними завязалась драка, в результате которой ещё один муравей был убит, растерзан и сожран без остатка – со всеми лапками, усиками и глазами-мониторами.

Меня тошнило от зрелища, но я, как зачарованный, не отводил взгляда и даже пересчитал тварей – их, без съеденных «сотоварищей», оставалось ровно 14 (четырнадцать) особей. Я почему-то уверен был, что это – весь «личный состав». А где же остальные тысячи, десятки тысяч из этой муравьиной семьи? И тут меня озарила догадка. Мне не давала покоя мысль, почему же муравьи, в отличие от пчёл, продолжали делиться-увеличиваться на клеточном уровне безостановочно, словно по принципу ядерной реакции? И вот, именно сидя на холодильнике «СТИНОЛ», я пришёл к гипотезе (которую потом надо будет проверить экспериментальным путём), что муравьи, пожирая плоть своих сородичей (вплоть до хитина!), уже прошедших реакцию деления, запускают, видимо, в собственном организме новый цикл деления, ещё более мощный и быстрый – в десятки, может быть, в сотни раз...

Между тем, твари (никак сознание не хотело считать их мурашами!), покончив с «собратьями» и остатками собаки, вполне недвусмысленно окружили холодильник, оглядывая

меня, наклоняли туда-сюда головы, «переговариваясь» между собой при помощи кинопсиса – языка поз. Некоторые даже вставали на задние лапы, средними упирались в холодильник и, совсем по-собачьи, скребли передними, доставая до двух третей высоты. К счастью, лапы их, несмотря на зубцы-зазубрины, соскальзывали с гладкой эмали. Но они упорно карабкались, даже залазили друг другу на спины, и один из них чуть было не дотянулся уже до моего ботинка. Я вскочил, прижался спиной к стене. Я понимал, что обречён. Рано или поздно эти твари до меня доберутся. Если моя теория «естественного отбора» права, то через день, два, три их будет оставаться всё меньше, зато становиться они будут всё больше и, в конце концов, по крайней мере последний муравей, который будет, вероятно, размером с корову, стащит меня с этого «СТИНОЛА» играючи. Правда, если я к тому времени не умру от жажды: холодильник открыть было нельзя – муравьи-убийцы вмиг добрались бы до меня по его полкам. Самое обидное – дурацкий мобильник я оставил на столе, так что о службе спасения или милиции оставалось забыть.

Тупик.

И вдруг, когда я уже смертельно устал и совершенно отчаялся (была глубокая ночь, часа два), загремели запоры входной двери. Твари замерли, уставились на неё, три или четыре сразу бросились в свой подвал. В приоткрывшуюся дверь осторожно заглянул человек с пистолетом в руке. Он неестественно громко завопил: «А ну прочь! Про-о-очь, я сказал!!

Цыц!...» – и дважды выстрелил. Монстры бросились наутёк, толкаясь, исчезли один за другим в дыре. Последним скрылся раненый муравей, с отшибленной лапой. Парень, не решаясь зайти, отчаянно махал мне рукой: «Быстрее! Быстрее, Виктор Петрович! Бегом!» Упрашивать меня не пришлось. Рискуя сломать ноги, я спрыгнул с холодильника, выскочил вслед за спасителем из кошмарного дома, он запер дверь и увлёк меня по тропинке меж сосен в темноту...

Это оказался тоже мой бывший студент – однокурсник Быкова (признаюсь, я его не сразу узнал). Имя его называть пока не буду. Он спрятал меня у своего деда-лесника на кордоне совсем недалеко от города. Я хотел попытаться как-нибудь тайно продать квартиру и уехать за границу, в Луганск – там у меня живёт сестра. Но вот узнал, что в особняке Быкова произошла трагедия, и он сам погиб. Не сомневаюсь, что к этому причастны «мои» муравьи. Вам же, тов. Потапов, пишу всё это по одной простой причине: несмотря на то, что мне уже 57 лет, я согласен 3-4 (три-четыре) года отсидеть за неосторожное, косвенное (или как там это у вас называется) убийство, но я отнюдь не хочу после своего признания попасть в руки приятелей и подручных покойного Быкова, которые, можно не сомневаться, уничтожат меня без всякого суда. Ответьте мне на Главпочтамт до востребования (предъявителю удостоверения № 0277). Буду ждать в течение недели.

С уважением Сеницын В. П.

– Да-а-а... – неопределённо протянул я.

– Впечатляет? – спросил Потапов, оторвавшись от своих бумаг.

– И где же сейчас этот профессор Синицын – на улице Московской? – понимающе усмехнулся я: на Московской у нас располагается областная психбольница.

– Нет, господин сочинитель, это вы зря иронизируете. – серьёзно сказал майор. – В газетах не сообщалась весьма любопытная деталь: на пепелище была обнаружена странная вещь – нечто, напоминающее сплюсненную заднюю часть туловища гигантского муравья. Муравей, судя по всему, был в длину более метра. Впрочем, наши оперативники и фээс-бэшники решили, что это часть какой-то новомодной надувной игрушки – сейчас ведь всякие японцы да корейцы чего только для богачей не делают.

– Да неужели всё это правда?! – вскричал я. – Где же тогда профессор? Сидит?

– Никак нет. Я когда с ним встретился, настоятельно посоветовал ему ни полсловечка больше никому и никогда не говорить про своё участие в этом деле – соврать что-нибудь про своё исчезновение, а затем молчать в тряпочку и жить как жил. Во-первых, ему всё равно никто бы не поверил и, вот именно, загремел бы он в психушку. А во-вторых, я бы

профессору Синицыну ещё и премию выдал, если б от меня зависело: депутат и бизнесмен Олег Иванович Быков по кличке Бык вот где у нас всех сидел! – майор Потапов ожесточённо похлопал себя по шее. – Туда ему и дорога! Придурок, судя по всему, применил огнемёт, а у него там в подвале гараж на три машины с запасом бензина и котельная на мазуте. Вероятно, кроме него и двух псов-охранников, погибших с ним, о муравьях-гигантах никто не знал. В курсе был ещё тот сторож-однокурсник, да он исчез бесследно, думаю, убежал куда подальше, опасаясь разборок. Теперь уже всё затихло, так что можете со спокойной совестью сочинять обо всём этом роман. Только фамилии, конечно, замените...

– Ну уж нет! – засмеялся я. – Спасибо, конечно, за материал и занятный сюжетец, но в эту фантастическую историю ни единый читатель не поверит... Тем более в нашем Баранове. А я своей репутацией, или, как сейчас принято говорить, своим имиджем писателя-реалиста рисковать не хочу. Бог с вами!..

На том мы в тот раз с Потаповым и расстались. Я, быть может, совсем уже забыл про нелепых муравьёв размером с раскормленного пса, если б совсем случайно не увидел на днях в рекламной местной газетёнке «Всё для нас» ну очень любопытное объявление в разделе «Услуги»:

Только для состоятельных господ! Уникальное средство для уничтожения муравьёв, тараканов, клопов и пр. домаш-

них насекомых. Очень дорого. С гарантией.

Ба-а, да уж не Синицын ли это вышел на тропу войны с местными «новорашами»? Не подопечный ли майора Потапова профессор-энтомолог объявил войну нашей доморощенной барановской мафии?..

Давно пора!

/2003/

ДИНАМО

Рассказ

1

Маше нравилось убивать мужиков.

Жертву она выбирала тщательно, придирчиво, не торопясь. Главное, что высматривала в потенциальной жертве – лопухость. Чтобы был мужичок неприметный, неказистый, закомплексованный до упора и на женщин осмеливался смотреть-взглядывать только снизу вверх и украдкой. Конечно, лучше бы и слаще настоящего самца-красавца окрутить и угрохать, однако ж возможности свои Маша оценивала трезво: сама она не супермодель, не кинодива, да и в случае чего с настоящим-то самцом и физических сил не хватит справиться. Лучше не рисковать – на заморышей охотиться.

Этот (восьмой или девятый уже по счёту – сама запуталась) тоже поддался сразу, с первой атаки. Встретив его как-то, ещё в январе, в очередной раз в гастрономе на углу (он, как всегда, брал пакет дешёвого молока, полхлеба, сосиски в целлофане), Маша вдруг приветливо кивнула:

– Здрасте!

Он едва на затоптанный пол не сел. Испуганно вскинулся, понял-осознал, что Маша не ошиблась, именно с ним поздоровалась, вспыхнул, вместо ответного «здрассе» буквально квакнул, подавился, чуть, поди, штаны не обмочил...

С тех пор ещё раз шесть Маша подлавливала эту овцу устатую (ведь имел-носил усы – жиденькие, но всё ж!) в магазине, приучила довольно внятно отвечать на свои приветствия, выдрессировала взгляд сразу не опускать и не уводить в сторону...

Короче, мужичонка ожил, посверкивать глазами начал, улыбаться робко при встрече, не зная, не подозревая, что час его скоро пробьёт.

И он пробил.

Был канун женского праздника – Маша специально так подгадала. Тем более, выпадала годовщина: ровно пять лет тому, именно 7-го марта её Витюша и утворил ей подарок, от которого до сих пор она в себя прийти не может и по ночам в подушку слёзы льёт – с Лидкой, лучшей Машиной подругой (товаркой-свидетельницей и на свадьбе была!) сбежал. В буквальном смысле слова сбежал – смылся. Маша ждёт-пождёт благоверного своего с работы, а он только утром позвонил: прости-прощай, не суди строго, это – любовь...

Ха, любовь! За такую любовь яйца отрывать надо и живым в землю закапывать!.. Подонок!

Маша сторожила мужичка у магазина. Спрятавшись за киоск «Роспечати», шурилась, просматривала улицу. Хотя

дело уже к вечеру, но солнце бушевало вовсю, совсем по-весеннему – в честь предстоящего женского дня, что ли? Люди, само собой, суетились, куда-то спешили, тоже, как она, жмурились-щурились. Интересно, есть ли среди них хотя бы один счастливый человек?..

Наконец, он появился – от своего дома, через улицу. Маша уже выследила – живёт-обитает он в третьем подъезде. И хорошо, что рядом. Уж, само собой, пойти в кабак и затем в гостиницу этот тип вряд ли предложит. Лопух, лох, сверчок запечный! Пока он подходил, не замечая её, Маша ещё раз внимательно его осмотрела-оценила. Конечно, трофей не ахти какой: лет сорок уже явных (едва ли не вдвое её старше), нос длинный, унылый, сам худой, сутулится, одет невзрачно – кепочка, куртчонка...

Ну, что ж, её Витюша тоже ни Шварценеггером, ни Ричардом Гиром, ни даже доморощенным каким-нибудь «бригадиром» Сергеем Безруковым не был – отнюдь. Однако ж вон чего учудил, сволочь!

Всё получилось быстро и ловко, словно кто помогал Маше. Мужичок, купив хлеба, молока и на этот раз шпикачек полкило (неужто тоже о празднике помнит?), встал ещё и в небольшую – человека три – очередь к аптечному киоску в углу магазинного зала. Маша незаметно подкралась, пристроилась сзади, кашлянула как бы ненароком ему в ухо. Обернулся, увидел и – явно обрадовался, растерялся, в кои веки первым поприветствовал:

– О! Здравствуйте!.. – И забормотал. – А я вот – валидолу... Кончился валидол...

Маша глянула ему длинно в глаза и тихо, так, что слышал только он один, спокойно приказала:

– Презервативы купите.

Мужичка в тот момент можно было снять в рекламе «Шок – это по-нашему!»: все пломбы и железные коронки показал. Робко улыбнулся: мол, это шутка такая?

– Купите, купите, – строго, деловито и вместе с тем достоверно, как-то интимно повторила Маша, – одну упаковку.

Киоскёрша-провизорша уже требовательно на мужичка глянула.

– Мне... э-э-э... вон там... – того явно заклинило.

Аптекарьша догадливо помогла:

– Резинки, что ли? Какие?

Мужичок стал багровым, еле-еле выдавил шёпотом:

– Любые...

Фармацевщица воспользовалась моментом вполне: выкинула на прилавок упаковку самых навороченных кондомов – за двадцать два с полтиной. Мужичок еле денег по карманам наскрёб, про валидол даже и не вспомнил. Морда свекольной стала – вот-вот, и удар хватит. Маша купила нитроглицерин.

Мужик ждал её у входа, размыто улыбался. Она молча кивнула головой. Они пошли. Тот никак не мог прийти в себя.

– Меня Маргаритой зовут, – ласково сказала Маша. –

Можно – Марго.

Глянул затравленно, буркнул:

– Захар...

Маша чуть не фыркнула: ещё бы Дормидонт!

– А по отчеству?

– Иванович... – также отрывисто квакнул тот.

Ну и ну!

– А можно без отчества? – Маша взяла его под руку, со всей возможной нежностью заглянула сбоку в глаза.

– Конечно! Что вы! Конечно, можно! Какое отчество!.. – мужик вдруг возбудился так, что, такое впечатление, сейчас посреди улицы прям в штаны на ходу и кончит. – А мы... мы куда идём?

– Ка-а-ак? – ужасно удивилась Маша. – Разве мы идём не к вам?

– Ко мне?.. Ах да, конечно, ко мне! Только... Может, вина или... водки?

Маша в открытую ухмыльнулась: откуда ж у тебя, милоч, деньги на вино-водку? Но вслух, сделав голос грудным, волнительным, сказала:

– Не надо вина. Нам и без вина будет хорошо... Нам с вами и чаю хватит. Есть дома чай?..

Чай у Захара Ивановича дома был. Маша уже вовсю наслаждалась. Какой там чай! Он, милоч, о чае и не вспомнит. Всё идёт-развивается по сценарию. Ещё в прихожей, сняв пальто, Маша, вернее в тот момент Маргарита, как бы нена-

роком прижмётся к лопоухому ухаждёру, обожжёт (под тонким свитерком – ни маечки, ни лифчика), потом, чуть позже, опять как бы нечаянно ещё и ещё прижмётся, рукой по штанам проведёт, может быть, и поцеловать себя даже позволит (хотя от мужицких поцелуев её тошнит всю – поди уже лесбиянкой по натуре стала!), само собой, задышит глубоко, бурно, напоказ...

Дальше вообще всё просто: отправит-погонит распалённого самца в душ – мол, давай, давай, я сейчас тоже остальные юбки-трусики скину да к тебе присоединюсь. А сама нитроглицерин ему на стол выложит (пригодится!), пальтишко на себя и – шмыг в дверь. Маша даже хихикнула раньше времени, представив физию голого Захара, с горящими глазами ожидающего её в ванной...

Ну, а самое наслаждение, конечно, нахлынет через день или два, когда она как бы невзначай столкнётся с ним на улице. Вот этот момент, это – как оргазм, а может, и слаще (об оргазмах Маша представление имела смутное): он будет злиться или унижаться, грозить или молить – не важно; важно, как она смерит его холодным взглядом с кепчонки до штиблет и величественно осадит: «Что? В чём дело? Мы разве знакомы?...»

Напарница по работе Танька, бывшая в курсе этих её вылазок-мщений во вражеский стан, не раз предупреждала: смотри, нарвёшься как-нибудь на горячего мужика – в морду даст, а то и в самом деле изнасилует...

Ну, это вряд ли! От тех, каких Маша выбирает, подобных подвигов ждать-опасаться нечего. Она больше боялась, как бы какой продинамленный хлюпик не самоубился, руки на себя не наложил...

Впрочем, даже если и такое произойдёт-случится – туда и дорога.

Чтоб они все сдохли, мужики треклятые!

2

Захар, бросив нежданную гостью в комнате, закрылся на кухне, присел на корточки, сжал кулаки, сделал энергичное победное движение-натяг и сдавленно, шёпотом завопил потелекиношному:

– Йес!

Такого везения он и в самых смелых, разнузданных мечтах не ждал. Сама! Сама напросилась, сама пришла! И пусть раньше времени, до срока (лучше бы в апреле, к дню рождения!), ну да ладно – дарёному коню, вернее, кобыле в зубы не смотрят.

Он осторожно достал из нижнего ящика стола старенький дипломат с инструментами, раскрыл: флакон с хлороформом, чистый носовой платок, удавка, набор ножей, топорик, ножовка. С внутренней стороны крышка кейса обклеена вырезками из газет с кричащими заголовками: «8-я жертва ма-

няка», «Маньяк по-прежнему неуловим», «Маньяк наводит ужас»...

Захар ухмыльнулся. Он понимал, что здорово рискует, собирая-коллекционируя эти вырезки, но зато какое наслаждение просматривать их. Это ли не слава! А ещё большее, ещё острее наслаждение, так похожее на непрерывный длительный оргазм, испытывает он каждый раз целую неделю, неторопливо, со смаком расчлнения в ванне свежий труп и вынося его небольшими частями-порциями из дома...

3

– Э-эй, Захар! – донесся из комнаты голос похотливой сучки. – Где же вы? Ау! Я зас-ку-ча-ла...

– Иду, иду! – охотно откликнулся хозяин, открывая флакон. – Уже иду...

/2003/

КВЕСТ

Рассказ

Ах, как начался этот день – просто замечательно!

Юра Бабилов, восьмилетний мальчик в майке и джинсах из секонд-хэнда (на левом колене – совсем свежая синяя заплатка в виде ромбика), семенил-поспешал чуть сзади своих друзей. Вернее, Витька, Витю Ершова (ему уже десять), можно назвать и другом, и товарищем, не говоря уж – соседом: в одном подъезде с Юрой живёт. А вот с Володей Думаницким Юра даже и не мечтал дружить. Хотя тот тоже почти сосед – особняк Думаницких недавно вырос через дорогу, напротив их панельного дома. И вот, оказывается, Витёк в одном лицейском классе с Думаницким учится. Володя сам к ним подошёл, позвал Витьку за речку, в парк – новый пистолет пневматический испытывать. Ну, а Юра как-то ненароком пристроился – за компанию. Володя вначале поморщился, но ничего не сказал.

А он, Юра-то, и пригодился! Володя велел ему по дороге банки из-под колы и пива собирать – для мишеней. Юра расстарался – за пазуху пять банок насобирал-вместил, да в руках ещё две.

Потом, уже в парке, конечно, стрелял чаще Володя, Вите

счастье такое доставалось пореже, а Юра только со своими банками и управлялся: бегал их устанавливать после метких выстрелов друзей-приятелей. Но дал, дал Володя наконец и ему разок стрельнуть. Да-а-а, это что-то! Пистолет «Аникс» ну совсем как настоящий, шарики-пули с двух шагов банку пробивают! Правда, Юра хотя и стрелял почти в упор и с двух рук, но всё равно промазал. Пистолет-то тяжеленный! Уж со второго раза точно бы попал, да Володя «Аникс» забрал: всё, хватит, итак почти все заряды растранижили за раз...

Когда шли назад в город через подвесной мост, Володя небрежно, как бы между прочим, сообщил, что ему в субботу *шнурки* персональный (в полном смысле!) комп купили – мощный «Пентиум-4» и к нему набор *блинов* с игралками.

Про «шнурков» Юра догадался, а вот что такое «комп» и, тем более, «блины», которые в наборе продаются – понять трудно, но слово «игралки» звучало заманчиво.

– Ха! – усмехнулся Витёк. – Ты ещё скажи: мотоцикл тебе купили – «Харлей Дэвидсон» или «Хонду»...

Володя вскипятился и потащил Витю, вернее – Фому Неверующего к себе домой. Юра опять вышагивал за ними как бы между прочим, мало на что надеясь.

У железных ворот особняка Думаницких стояла серебристая стремительная машина с малюсеньким блестящим рулём-баранкой на носу.

– Ага, значит папеч на обеде, – небрежно пояснил Володя

и, похлопав по матовому крылу автомобиля, добавил. – Гоша, папин водила, мне самому на «мерсе» давал гонять...

– Ух ты! – выдохнул Юра, хотя понимал, что мог бы так напоказ и не выдыхать.

Витёк недоверчиво ухмыльнулся, но промолчал.

В необъятной прихожей они разулись. Зелёный настил под ногами был такой мягкий, так нежно гладил ноги, что Юра начал чаще шагать. А повалиться бы – лучше, чем на траве!..

Хозяин повёл было гостей сразу наверх, но их окликнул женский голос из комнаты внизу. Когда они вошли, Юра понял, что это – столовая. Он знал, что в больших домах бывают кроме кухни и столовые. В центре стоял длинный стол, обставленный десятком стульев и уставленный на одном краю посудой с едой. Грузный, совсем лысый мужчина сидел в торце стола, отдувался и утирал пот со лба полотенцем. Ему в чашку подливала кофе из прозрачного кофейника тоже полная, с пышной рыжей причёской женщина. «Шнурки» – сообразил Юра.

– Так, так! Гости к нам неожиданные? – строго, без улыбки произнёс «папеч». – Ну-ну! Делать нечего... Давай, Софья Семёновна, угощай, раз такое дело, чем Бог послал.

– Вовик, ну где же ты шляешься? – укоризненно спросила женщина. – Опять подогревать придётся... А ну, руки мыть и – за стол! – прикрикнула она на гостей...

Что Юра ел – он толком не понял: что-то горячее, жир-

ное, вкусное. А потом – сладкое. Такое сладкое, такое медово-сладкое!.. Он не заметил, как хозяин дома ушёл. Он даже кто и что за столом говорил – почти не слышал.

Когда потом, снова помыв липкие руки, поднялись по широкой деревянной лестнице на *второй уровень* в сектор Володи, Юре, отяжелевшему от еды, сил на удивления оставалось чуть. А поражаться было чему: на стенном расписном ковре – две винтовки (одна с оптическим прицелом), как оказалось, тоже пневматические (а зачем же пистолет-то ещё?!), тут же громадный бинокль висит. На другой стене – три полки застеклённых с моделями гоночных машин. В углу – телевизор: таких громадных Юра ещё не видел. На нём – плоский видак. Рядом – пирамида музыкального центра. Ну и, конечно, главное – компьютер на столе: покрасившие и позаманчивей всякого телека! Юра быстро допетрил, что это и есть таинственный комп или, как его ещё называл Володя, – *пентюх*. А «блинами» оказались круглые блестящие диски-пластинки с разными чудесными играми-игралками.

Да-а-а, это фантастика! Даже смотреть-наблюдать за компьютерными играми и то в животе щекотно. А уж самому за – этот, как его, *джойстик*, что ли? – подержаться, *порулить* игрой да мышку по коврику-*мышкодрому* покатать – это ведь... Ух! Володя, между тем, и *экишены* гостям показал-продемонстрировал, и *адвенчуры*, и *стратегии*, и *симуляторы*, а потом поставил диск с *квестом* и пояснил, что квест – это самый сложный тип игралки: игра-поиск, иг-

ра-бродилка, в которой играющий отправляется в путь-дорогу и дойдёт до цели-победы, если сумеет найти по дороге всякие заныканные вещи, которые, если он их отыщет, помогут ему выпутаться из самых сложных тупиковых ситуаций...

Заметив, видно, что гости понимают эту тарабарщину с трудом, хозяин доходчиво пояснил:

– Ну, например, тебе вот, – ткнул он Юру в грудь пальцем, – до зарезу хочется из своего дома добраться-попасть ко мне в гости, но ты обязательно должен принести в подарок блин с играми – такое условие, без этого не пущу. Так что по дороге ты должен догадаться разгрохать кирпичом окно у своих соседей на первом этаже, а когда они выбегут на улицу, заскочить к ним в квартиру, украсть пилу-ножовку, спилить дерево во дворе и достать из дупла нужный дивидишник... Понял?

Юра ни черта не понял, но кивнул головой: очень уж хотелось подсесть к компу! И Володя дал-таки ему минуту, а то и целых две подержаться за джойстик...

От счастья Юра чуть позорно не уписался!

* * *

– Везёт же Володе, да? И пушка, и видак, и комп с блинами!.. – Юра никак не мог прийти в себя, когда они с Витей уже шли домой.

– Жадюга твой Володя! – резко оборвал Витёк. – И жмот!
«Чего он злится? – удивился Юра. – Ведь больше меня играл...»

Дома он с порога взялся взахлёб расписывать сокровища Володиной комнаты. Мама где надо охала, где надо ахала и, когда он немного утих, сказала:

– Я тебе тоже компьютер когда-нибудь куплю... В классе седьмом. Они к тому времени подешевеют. А сейчас садись есть – суп остывает...

Юра крепился изо всех сил, но слёзы просочились-таки, затуманили мир.

– Не хочу я твоего супа! – крикнул он, бросился на кровать, спрятал лицо в подушку и заплакал всерьёз.

– Ну, что ты, глупыш... Завидуешь, что ли? – мама гладила его по голове, пыталась повернуть лицом к себе.

Юра изо всех своих злых сил сопротивлялся и кричал в подушку:

– Зачем ты мне синюю заплатку пришила!.. Сама теперь эти штаны носи!..

* * *

На следующий день, в субботу, Юра, весело помахивая пакетом с хлебом, спешил из магазина домой. Он свернул с Советской на свою улицу и нос к носу столкнулся с Володей Думаницким. Тот поманил его пальцем. Сердчишко у Юры

ёкнуло: опять в гости пригласит?

– Это ты блин стащил?

– Что стащил? – Юра от растерянности забыл, что «блин» – это не ругательство.

– Не финти – хуже будет! – Володя сунул под нос Юре кулак. – Диск с квестом! Чтоб сейчас же притащил!

У Юры в подвздохе ущемило.

– Я... я никакого диска... – пролепетал он, отступая.

Резкий удар в скулу сбил его с ног. Пакет с хлебом отлетел. Думаницкий навис над нам, занёс кулак.

– Ну, принесёшь?!

– При... при... при-не-су! – сквозь слёзы выдавил Юра.

– То-то же! Живо давай, я у подъезда ждать буду...

Мама, увидев Юру, испугалась, затормошила его:

– Что с тобой? Где пакет?..

Юра, уже было подавивший слёзы, опять разревелся, как девчонка.

– Ма!.. Мама!.. Он говорит, что я украл!.. А я не брал! Я не брал!.. А он ждёт!..

Мама встревожилась всерьёз.

– Господи, Юра, да что случилось? Что украл? Кто ждёт?..

Когда мама поняла, в чём дело, у неё бессильно опустились руки.

– Неужели ты не понимаешь, ЧТО ты наделал?! Ты сказал, что принесёшь сейчас – ведь ты словно признался, что украл ТЫ!..

Только теперь Юра до конца всё осознал-понял.

– Ну вот что, – строго сказала мама, – сейчас же пойди и скажи, что ты не брал этот чёртов диск!

– Не пойду!..

Уйму уговоров и даже угроз, полчаса времени понадобилось затратить маме. Со своего пятого этажа до выхода из подъезда Юра плёлся ещё минут двадцать. Вдохнул три раза глубоко-глубоко, вышел и...

Володи нигде не видно. Его на месте не было! Юра для очистки совести просмотрел и ту сторону улицы – Думаницкого не было и возле своих ворот. Ура-а-а!

Однако ж мама, против ожидания, радость сына не разделила.

– Так почему ты домой к нему не пошёл?

Снова уговоры, новые слёзы...

Юра изучил-поколупал пальцем все подтёки краски на воротах Думаницких, потом с трудом повернул кольцо в железной калитке, вошёл, поднялся на крыльцо, еле дотянулся до звонка. Открыла Софья Семёновна.

– А, это ты Ваня... (Почему Ваня?) Из-за диска пришёл? – она обернулась и зычно крикнула. – Вовик, иди извинись перед мальчиком!

Юра обалдел. Из-за спины матери нарисовался Володя, буркнул:

– Да ладно... Ты это... извини... Нашёл я этот квест дурацкий – за стол завалился...

Нет, Юра не хотел улыбаться, но губы против воли растянулись до ушей. Он самому себе противным голосом переспросил:

– За стол?

– Ну да! А я подумал...

– Во-вик! – раздался уже из глубин квартиры голос Софьи Семёновны. – Харчо стынет!

– Я пойду тогда, пойду! – засуетился Юра.

Он бросился через дорогу, даже не глянув по сторонам. Завизжали тормоза, кто-то закричал-заругался. Мимо! Слезы жгли глаза. В голове в такт бегу и всхлипам стучало только одно слово:

«Квест!.. Квест!.. Квест!..»

/1973, 2003/

АСФИКСИЯ

Рассказ

1

Ночной звонок в дверь всегда не к добру.

К тому же вечер выдался бурным, семейно-скандальным. Хотя – при чём же здесь «семейно»? Просто скандальным. С бывшей женой Михаил Борисович никак не мог разменяться-разъехаться, так что и после развода уже третий месяц продолжали жить под одним потолком и по привычке ссориться-ругаться, как прежде. Накануне Михаил Борисович пришёл домой уже в первом часу с жуткой головной болью, лёг на раскладушке, засыпал с трудом, морщась от накатов разламывающей черепную коробку боли. Комфорта не добавлял и собственный гнусный перегар – следствие двухдневного новогоднего застолья. Одна только мысль-мечта и радовала: выспаться, под душем отмокнуть и – начать с утра прежнюю, будничную, трезвую жизнь...

И вот, пожалуйста, только-только задремал – тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь!.. Будто спицу кто в мозги воткнул-втиснул – и раз, и второй, и тре-

тий... В мать твою так, прости Господи!

– Люба! Не слышишь, что ли?!

– Ага! – зло откликнулась бывшая жена. – Мужик в доме, а я на ночные звонки буду вскакивать!..

Встал, пристанывая, свет зажигать не стал и тапочки искать-нашаривать не стал – от злобы (звонок, гад, верещал без остановки!), – прошлёпал босиком в прихожую, глянул в глазок: какой-то подсвинок у двери скорячился, одной рукой упёрся в дерматин, другой звонок насилует. И, слышно, мычит чего-то – требовательно, нагло: мол, открывайте, мать вашу!.. Уж не студент ли какой его – двоечник? В полумраке коридорном рассмотреть трудно.

Михаил Борисович, понимая, что делает глупость, вернулся в комнату, полушёпотом раздраженно сообщил:

– Там молодой оболтус какой-то... Пьяный...

– Ну и что? – Люба даже от стены не повернулась. – Чего ты мне докладываешь-то? Открой ему, да и опохмелитесь вместе!..

Звонки не прерывались.

– Ну, всё, сейчас убью негодяя!

Михаил Борисович решительно прошагал в прихожую и открыл дверь. Правда, – на цепочке. В тусклом свете одинокой коридорной лампочки еле разглядел: пацан, совершенно, запредельно пьяный (как только на ногах держался?), еле-еле поднял бессмысленные глаза, пытаясь сфокусировать взгляд. Без шапки, но куртка кожаная, на меху, брюки

приличные, ботинки дорогие. Однако ж всё так ухайдакано в грязи – сразу понятно: падал не единожды.

– В чём дело? – Михаил Борисович голос сделал строгим, профессорским. – Вам кого?

Парень, просовывая руку в щель над цепочкой, пытался что-то выговорить, но получалось лишь мычание.

– Всё, всё! – прикрикнул как можно жёстче Михаил Борисович, стукнул-шлёпнул по руке незваного гостя. – До свидания! Идите, идите, молодой человек, идите спать!

И – захлопнул дверь.

Однако ж, не успел сделать и двух шагов, опять: тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь!..

Господи, ну почему именно к ним возмечтал попасть этот пьяный скот? Ведь рядом ещё целых пять квартир, причём, их, 93-я, не самая крайняя в секции-коридоре... Когда же, наконец, они сговорятся с соседями и закроют общий вход, поставят кодовый замок или домофон? Мало того, что днём всякие бомжи-попрошайки и торгаши-рекламщики бродят безнаказанно, звонят, так ещё вот ночью визитёр-татарин объявился...

– Может, в милицию позвонить? – совсем уж лишне спросил Михаил Борисович.

Люба фыркнула.

Тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь!..

Ну, всё! Михаил Борисович, изо всех сил подстёгивая се-

бя, раскошегаривая гнев в подвздохе, врубил свет, быстро натянул домашние штаны, накинул рубашку.

– Ты что? – вдруг вскинулась экс-супружница. – Не вздумай открыть! Там, может, их банда целая!

– Да какая банда! – отмахнулся Михаил Борисович, – Лежи уж теперь... 3-3-заботливая ты моя!

Он выскочил в прихожую, решительно отомкнул-раскрыл все запоры, цепочку скинул, распахнул рывком дверь. Мальчишка отпрянул, выпрямился, оказавшись на полголовы выше Михаила Борисовича, распахнул руки как для объятия и ринулся в проём. Михаил Борисович упёрся ему в грудь ладонями, остановил, приговаривая: «Куда? Куда?», – развернул с трудом и чувствительно толкнул в спину:

– Идите! Идите, молодой человек! Домой, домой! Вы ошиблись адресом!

Захлопнув дверь, Михаил Борисович далеко отходить не стал. И – не зря.

Тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь!..

– Мать твою!.. Сволочь!! Гадина!!! – ярость захлестнула до перехвата дыхания. – Пшёл во-о-он!!!

Михаил Борисович рванул дверь, ухватил парня за рукав, потащил-поволочил по коридору почти бегом – откуда только силы взялись? Правда, пьяный щенок не сопротивлялся – перебирал-семенял ватными ногами, пускал пузыри. Может, в лифт его погрузить, да отправить вниз? Но тут парень

утробно икнул и раз, и второй. Господи, да он сейчас блевать начнёт! И точно! Едва Михаил Борисович выволок парнишку по уличному переходному балкону на лестничную площадку, как тот мощно зафонтанировал. Тьфу! Михаил Борисович тычком запустил пьяного свинтуса вниз по тёмной лестнице и обтряс руки.

– Пшёл вон, свинья!

Парня совсем не было видно, лишь доносились из темноты, со следующей лестничной площадки, тошнотворные звуки. Вот гадство, придётся завтра на лифте спускаться, чего Михаил Борисович терпеть не мог – всегда ходил пешком по лестнице.

Для моциона.

2

Утро началось гнусно.

Для поправки здоровья в этот выходной послепраздничный день имелось два способа: одеться полегче, встать на лыжи да отмахать по речке километров десять коньковым энергичным стилем, или же, наоборот, закутаться потеплее, загрузиться в соседний кафешник и выцедить пару бутылочек лекарственного пивца...

Второй вариант победил.

Михаил Борисович, конечно, своё намерение про лифт не

забыл, но сунулся по привычке на лестничный марш. Тем более, в лифте могли попутчики объявиться, кривиться начнут, а по обособленным лестницам в их несуразном доме «армянского» проекта, поди, никто из нормальных жильцов, кроме Михаила Борисовича, и не ходил. И, нате вам – сюрприз: тот подсвинок ночной (а кто же ещё?) спит себе на лестничной площадке, там, куда спустил его Михаил Борисович, дрыхнет как ни в чём не бывало в собственной блевотине, развалился. Фу-у-у!

Пришлось вернуться к лифту.

Когда через пару часов Михаил Борисович возвратился домой весьма взбодрившимся, с двумя бутылками пива в пакете (а-а-а, гулять так гулять!), бывшая благоверная встретила его жутко интересной вестью: на лестничной площадке между 5-м и 4-м этажами в их подъезде обнаружен труп неизвестного молодого человека. Молодой этот и пока неизвестный человек скончался, судя по всему, от *асфиксии* (удушья) вследствие закупорки дыхательных путей рвотными массами...

Что такое «асфиксия» – его Люба-докторша могла бы и не уточнять: ещё семнадцать лет назад, когда их первый и последний ребёнок родился мёртвым, Михаил Борисович слышал это змеино-холодное удушливое словцо. Его особенно тогда как-то болезненно поразило, почему врачаха, товарка Любы, произносит это мерзкое слово с ударением на последнем слоге – *асфиксия*? Уточнил потом по словарям:

конечно – асфиксия...

Впрочем, чёрт с ним, с ударением! Не о том он думает...

Это что же получается? Это же получается-выходит совершенно абсурдная вещь... Выходит?.. Нет, лучше не додумывать! Не надо было толкать его в спину, ох не надо! Он бы, может, и сам потихонечку спустился вниз, ушёл восвояси... Чёрт, да это нелепость какая-то! Этого не может быть!..

Бывшая жена добавила ненужно:

– Его Дьяченко обнаружил: наклонился, думал спит, а у того лицо синее, и макаронины из ноздрей торчат...

Михаил Борисович отупело глянул:

– Макаронины? Из ноздрей?..

Прошёл на кухню, дверь плотно закрыл, суетливо достал пиво из пакета, отбил пробку о ручку холодильника, жадно глотнул раз, второй, третий... Весь облился.

Михаил Борисович до конца ещё не осознавал всю тяжесть случившегося, но от тоски уже подташнивало. Почему-то сравнение выскочило: будто сбил человека на дороге. Машины у него отродясь не водилось, но сравнение точное: ехал-мчался по дороге, был счастливым, улыбался; и вдруг в единый нелепый миг – раз! – и чужая жизнь кончилась-оборвалась, а твоя переломилась, под откос рухнула...

К чёрту, к чёрту, к чёрту эти тропы, всякие метафоры и сравнения! Хотелось завывать в голос. Ещё вчера Михаилу Борисовичу казалось, что хуже и гаже некуда: ни родных у него, ни друзей, ни семьи, ни дома своего; впереди – одино-

кая холодная старость где-нибудь в коммуналке... И вот теперь, что же, не то что в коммуналку – в общую камеру? На нары?.. Из сумбура мыслей какая-то одна – смутная, занозистая – особенно корябала мозг, никак при этом не прояснялась. Что-то – с бывшей женой... Ах, да! Что ж тут думать-гадать: Любовь Фёдоровне – это как подарок с небес. Разом все и жилищные, и личные проблемы решит...

Остро захотелось уйти, убежать из дома, хоть на время отдалить всё то, что должно теперь произойти-случиться. Михаил Борисович отставил пиво, вынул из кухонного заглазника заначку двести рэ, стремительно выскочил за дверь. Люба что-то вслед крикнула.

Оставьте вы все меня в покое!

3

В кафе сидел до упора.

Домой приплёлся, уже ближе к вечеру, с вымученным решением: забраться в постель, отоспаться в последний раз (если заснёт), а утром – пойти и сдать. Уж даже самые тупые его студенты и те, вероятно, усвоили кардинальную мысль-идею «Преступления и наказания» – *нормальный* человек роль убийцы вынести просто-напросто не в состоянии. Уж Достоевскому ли не верить?

Однако ж дома Михаила Борисовича ждала свежая ин-

формация – она оглушила, как внезапный удар по лицу. Труп уже опознали: ночной бедолага оказался сыном, вернее, сыном Джейранова.

Боже мой! Кто такой Джейранов – Михаилу Борисовичу объяснять не надо было. Он, как и многие в Баранове, прекрасно знал: Джейранов не только полковник областной милиции, но и, по совместительству – один из паханов-хозяев города. Причём, из самых крутых, а может, и – самый. Впрочем, это не суть важно. Вернее, важно, но суть как раз не в тонкостях бандитской *табели о рангах*. Михаилу Борисовичу достаточно было понимать-предчувствовать, что Джейранов может любого человека размазать по стенке, стереть в пыль, расплющить, вкатать в асфальт, одним словом, уничтожить без суда и следствия в единый миг.

– Доигрался? – жестоко съязвила бывшая.

– Да пош-ш-шла ты!.. – устало огрызнулся Михаил Борисович, глянул затравленно снизу вверх, скривился, со слезами выдавил. – Беги, беги, закладывай!

И тут: тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! тр-р-рл-л-лин-н-нь! – звонок, совсем, как ночью: настойчивый, нахрапистый, нетерпеливый. Михаил Борисович вскочил в испуге со стула, схватил Любу за руку, сдавленно вскрикнул:

– Не открывай!

Но тут же сам понял несуразность, позорность своего порыва – обмяк. Люба пошла, открыла. Мужские голоса. Вскоре бывшая требовательно крикнула-позвала:

– Михаил, ну где ты там? Иди сюда!

Вот гадина! На гриппозных ногах пошёл. Обидно, что хмель куда-то совсем испарился-улетучился – а ведь даже сто пятьдесят граммов водки для куражу к пиву подмешал...

В прихожей громоздились два мента – капитан и старлей. В упор на него уставились. Михаил Борисович машинально руки за крестец завёл – думал, что и спрашивать ни о чём уже не будут. Однако ж капитан спросил и довольно вежливо:

– А вы тоже ничего не слышали ночью подозрительного в коридоре?

Второй уточнил:

– Звонки в двери? Голоса? Шум драки?

– Не-е-ет... – не совсем уверенно протянул Михаил Борисович, смутно понимая: что-то всё идёт не так, не по сценарию. Глянул на Любу, твёрже повторил: – Ничего. Мы ничего ночью не слышали... Спали. У нас днём здесь ходят по коридору, шумят... А ночью, обычно, спокойно... Правда, правда! Днём бомжи всякие...

Михаил Борисович чувствовал, что надо бы остановиться. И – не мог. Люба встряла:

– Извините, но ничем помочь вам не можем. Ни-че-го не слышали.

– Ну, коли так... – скривился капитан, кивнул напарнику. – Ладно, пошли дальше.

Когда дверь за ними закрылась, Михаил Борисович несколько мгновений смотрел на Любу во все глаза и вдруг

неловко раздвинул-распахнул руки, ещё не надеясь вполне. Но жена качнулась навстречу, припала к нему, стукнула кулачком по груди, раз, другой – бессильно, от отчаяния:

– Дурак! Мучитель! Идиот! – подняла заплаканное лицо. – Ну, вечно ты во всякие истории влипаешь!

В голосе её было столько уже подзабытой нежности. Михаил Борисович понял, что и сам вот-вот захнычет-рассиропится, судорожно прижал Любу к себе, застыл, вдыхая запах её волос, так знакомо пахнувших яблочным цветом.

– Что же делать? Люба, что же нам делать?!

– Ничего, ничего, всё обойдётся! – Люба успокаивала его как маленького. – Никто не видел. Ты не виноват... Ты не виноват, Миша! Так получилось... У него, оказывается, девочка на шестом этаже живёт – он просто этажом ошибся. Значит, судьба у него такая... Да и – был бы нормальный! Он, говорят, алкаш уже и наркоман... Он, рассказывают, уже убил кого-то... Это же бандитский выродок!..

Михаил Борисович почти уже не слушал лепет жены. Он всё сильнее, всё жарче сжимал её, подзабыто шарил руками по спине, с упоением ощущая, как под ладонями знакомо и податливо изгибается её всё ещё желанное тело. Он начал, задыхаясь, целовать её в ложбинку груди, в шею, нашёл наконец губы – припал жадно, ненасытно, как припадает к кислородной подушке задыхающийся от удушья человек...

– Люба!.. Любушка!.. Милая!.. – успевал пристанывать он, на мгновение прерывая поцелуи. – Не важно! Ничего не важ-

но! Ты и я! Будем жить! Всё будет, как прежде!..

Он увлѣк её в комнату. Нетерпеливо, словно молодожёны, они раскинули-разложили диван-кровать, суетливо разделись, помогая друг другу, бросились в постель...

Уже под утро в голове совершенно обессиленного Михаила Борисовича, в тот момент, когда он вслед за женой, уснувшей на его руке с блаженной улыбкой на распухших губах, собрался погрузиться в сладкий сон-отдых, мерцнула довольно кощунственная мысль: «Если для *этого* надо было убить, что ж...»

Он никогда не думал (или забыл), что счастье может быть таким острым, таким пьянящим, таким всепоглощающим.

А сколько его впереди!!!

4

Он так и уснул, улыбаясь.

И, конечно, не знал, не предвидел (не дано человеку знать свою судьбу!), что на следующий день, когда Люба после загса и церкви (записались в очередь на регистрацию и венчание – чего ж откладывать?) решит пробежаться по магазинам, а он прямиком отправится домой, готовить семейно-праздничный обед, – припрѣтся Виктор Дьяченко, ближайший сосед из 85-й. Заглянет просто как бы по привычке, тридцатник на похмелье перехватить, а потом к разговору,

заглядывая проникновенно в самое душу, и выдаст: мол, не спалось ему позавчера, в ночь на третье, вот и увидал случайно в глазок, как Михаил Борисович какого-то пьяного хмыря тащит по коридору...

И почувствует Михаил Борисович себя так, словно накинули ему на шею петлю-удавочку, и стало ему трудно, совсем невозможно дышать...

/2003/

ЖИЗНЬ СОБАЧЬЯ

Рассказ

1

Наш безразмерно-необъятный дом, громоздящийся Казбеком в центре города, вместил в свои квартирные клетушки население, по крайней мере, крупного села, а то и целого райцентра. Не дом – архитектурный монстр. И собак в нём обитает целая стая, голов эдак в сто, сто пятьдесят, а может быть, и – в двести.

Часов с шести утра, с самой несусветной рани, а вечером до полночи, до самой кромешной тьмы, во дворе нашего дома-Вавилона приливами и отливами вскипает псиное столпотворение – брех, визг, лай, вой. И вся эта собачья какофония щедро приправляется мерзко-повелительными хозяйскими криками-воплями:

– Стоять! Стоять! – Сидеть, сука! – Рядом! Рядом, я сказал! – Джексон, ищи, ищи! – Фу! Фу! – Назад! Наза-а-ад, Бим! – Маркиза, Маркиза, Маркиза, ко мне! – Цыц! Держите свою тварь, в конце концов! – Фас, Гамлет, фас!..

Порой, чаще по вечерам, мы с Фирсиком, моим велико-

лепным котом (медово-рыжий, в белой манишке и белых же носочках), устраиваемся на лоджии и с безопасной высоты пятого этажа рассматриваем-наблюдаем эту твякающую, гавкающую и скулящую публику. Фирсик мой принадлежит к самому *благородно-плебейскому* роду: кошачий метис, кошачья дворняга, если можно так выразиться. Поэтому – я чувствую, да и вижу по его реакции – ему особенно ненавистны и омерзительны собачьи чистопородные аристократы, всякие там немецкие овчарки, доги, ротвейлеры, эрдель-терьеры, ньюфаундленды, пинчеры, пекинесы, чихуахуа и прочие ризеншнауцеры. Котяра мой смотрит на этих надутых голубокровных тварей злобным взглядом, фыркает презрительно и чихает на них с пятого этажа. На бездомных же барбосов, шмыгающих робко через двор к мусорным контейнерам, Фирсик посматривает, я бы сказал, с доброжелательным любопытством.

Тут я с ним не совсем согласен. И среди породистых собак встречаются симпатяги – с добрым, умным и благородным взглядом. Ну, можно ли не улыбнуться при виде лохматой узкомордой колли, длиннющей безразмерно таксы, сеттера с ушами до земли или совсем игрушечной болонки? И, напротив, городские бездомные псы... Не каждый из них вызывает симпатию. В большинстве своём они отвратно грязны, лишайно-облезлы, с поджатыми уродливо хвостами, забиты и трусливы.

Совсем другое дело – *домашние* дворняжки. С детских

лет, с той сельской поры моей жизни, когда рядом с крыльцом всегда стояла у нас обжитая собачья будка, с того далёкого времени и сохранилась в душе моей приязнь именно к дворнягам, этим самым добрейшим, преданным и скромным существам из собачьего племени. Дворняжки подкупают своей естественностью и отсутствием густопсовой злобной спеси.

Кстати, и в мире людей – да простится мне такая параллель! – скромная дивчина с природным румянцем на щеках и стыдливо потупленным взором куда как привлекательнее, чем самая породистая разфотомодел ь или разманекенщица с фиолетовыми губами и веками, взачмок жующая лошадиными вставными зубами заморскую отравную жвачку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.